

Дождь расходился всё сильнее. Тяжёлые капли с глухим стуком бились о больничные окна, рассыпаясь веером брызг.

Нань Цзин сидел на кровати в просторной сине-белой пижаме. Тонкая ткань мешковато висела на его худощавой фигуре, обнажая острые ключицы. Он как раз пытался устроиться поудобнее перед принесённым обедом. В тот день, когда он вытащил Юй Аньяня, он серьёзно ушиб плечо и сильно потянул поясницу, так что их обоих экстренно госпитализировали и распределили по палатам.

Родственников у Нань Цзина не было, заботиться о нём некому, так что приходилось довольствоваться местной кухней. Впрочем, жалобами он не исходил — кормили здесь на удивление сытно и вкусно: наваристый бульон на косточке, сочные мясные тефтели с тушёными овощами, ароматная тушёная свинина и стакан густого тёплого молока.

Юноша как раз зачерпнул ложкой нежный паровой омлет, когда дверь палаты бесцеремонно распахнулась. Он так и замер с зажатой в зубах ложкой, медленно повернув голову на шум.

В палату вошли двое. Моложавый, холёный мужчина в щегольском ультрамариновом костюме шёл под руку с пожилым господином в строгой чёрной классике. В руках старшего был зажат странный сине-чёрный кувшин. Это были не кто иные, как глава семейства Нань из Столичного града и его избалованный отпрыск, Нань Хунсюань. Заполучив кувшин, они решили лично явиться к Нань Цзину, чтобы довести дело до конца и исключить любые осечки.

Сине-чёрный кувшин в руках отца Наня был размером с ладонь. На его горлышко была наклеена кроваво-красная бумага с чёрными иероглифами, а бока подпирали как минимум три жёлтых даосских талисмана. От всей этой конструкции веяло откровенной чертовщиной. Стоило Нань Цзину взглянуть на кувшин, как у него внутри всё неприятно сжалось, а брови сами собой поползли к переносице.

Глава семейства вальяжно расправил полы пиджака, подошёл вплотную к койке и, небрежно достав чековую книжку, выписал сумму. В его глазах читалось неприкрытое, высокомерное отвращение.

— Здесь пятьсот тысяч, — процедил он, бросив чек на тумбочку. — Заберёшь этот кувшин и какое-то время побудешь рядом с Юй Аньянем. Выполнишь всё как надо — деньги твои.

Нань Цзин даже ухом не повёл. Все его мысли занимал сине-чёрный кувшин. От кувшина тянуло могильным хладом и тяжёлой, липкой смертью. Если называть вещи своими именами, эта штука больше всего походила на кувшин с прахом, выкопанный из гнилого, проклятого места.

Видя, что юноша откровенно его игнорирует, отец Нань набычился и рявкнул:

— Дрянь неблагодарная! Я с кем разговариваю? Ты оглох, что ли?

При слове «неблагодарная» Нань Цзин медленно перевёл взгляд с кувшина на лицо мужчины. Его светлые, прозрачные глаза отразили тусклый свет ламп, став похожими на острые осколки ледяного зеркала. В этом холодном, пронзительном взоре сквозила такая глубинная жуть, что у старшего Наня невольно перехватило дыхание.

Под этим пристальным взглядом отец Нань даже отшатнулся на полшага. Осознав свою минутную слабость, он побагровел от ярости и уже шагнул вперёд, собираясь осыпать наглеца угрозами, но Нань Хунсюань вовремя удержал его за рукав.

Хунсюань выступил вперёд и мягко протиснулся к кровати.

— Братец Нань Цзин, ну не сердись на отца, он просто погорячился, — заговорил он елейным, заискивающим тоном. — Мы ведь носим одну фамилию, мы одна семья.

С этими словами на лице Хунсюаня проступила отрепетированная, вызывающая жалость полуулыбка, а в уголках глаз мгновенно заблестели слёзы.

— По-хорошему, этот сине-чёрный кувшин должен был забрать я. И я бы с радостью! Ты ведь хоть понимаешь, кто такой Юй Аньянь, старший молодой господин семьи Юй? Он же гений, бог авторского кино! Вся колоссальная мощь и влияние клана Юй сосредоточены в его руках. Это не просто богачи, это настоящая элита, купающаяся в роскоши, — в голосе Хунсюаня проскользнула жадная, благоговейная дрожь. — Стоит лишь взять этот кувшин, и ты окажешься подле него. Но я... меня воспитывали слишком нежным, здоровье слабое, к тому же сейчас съёмки, графики плотные. Мне просто некогда, да и силёнок не хватит возиться с этой штукой. Но для тебя, братец, это же уникальный шанс!

Хунсюань застенчиво улыбнулся, глядя на кузена как на благодетельствованного слугу.

— Если ты возьмёшь кувшин, Юй будут по гробовую доску благодарны нашей семье. Они завялят нас контрактами, это очень поможет моей актёрской карьере, да и я смогу стать ближе к режиссёру Юй.

Он поправил на запястье золотой браслет Cartier, окинув палату высокомерным взглядом благодетеля:

— Мы тебя, конечно же, не обидим. Жизнь твоя сразу пойдёт в гору. Бери кувшин, Нань Цзин. Эти пятьсот тысяч я лично упробил папу выписать для тебя. Считаю это моим скромным подарком. С такими деньгами ты хоть по-человечески заживёшь.

Пока Хунсюань разливался соловьём, Нань Цзин спокойно доел свой обед и не торопясь, одним махом осушил стакан молока. Отставив поднос, он лениво приподнял веки и коротко, со стальным хладнокровием бросил:

— Не прикаснись. Пошли вон.

Сладкая мина на лице Хунсюаня мгновенно дала трещину. Он хотел было взорваться от возмущения, но попытался сохранить привычную маску дружелюбия, отчего его лицо уродливо перекосило.

— Выродок неблагодарный! — Отец Нань грубо оттолкнул сына в сторону и навис над постелью. — Хунсюань, зачем ты вообще распинаешься перед этим отбросом?

Его голос так и сочился ядовитым высокомерием силы:

— Ты прикаснёшься к этому кувшину, хочешь ты того или нет! А если вздумаешь брыкаться — гарантирую, живым ты из этой больницы не выйдешь.

Нань Цзин слушал эти излияния с абсолютно каменным лицом. Он лишь слегка склонил голову набок, разглядывая бьющуюся на виске у мужчины яростную жилу. Хунсюань за спиной родителя уже предвкушал чужую расправу, кривя губы в злорадной ухмылке.

Вдруг Нань Цзин резко откинул одеяло и поднялся. Прежде чем незваные гости успели сообразить, что происходит, его правая рука молниеносным, стальным захватом сомкнулась на горле Хунсюаня. Одним мощным рывком Нань Цзин впечатал парня спиной в стену палаты. Прижав его, словно взбесившееся домашнее животное, юноша начал медленно, но верно перекрывать ему кислород.

— Кха!.. — Хунсюань захрипел, его холёное лицо стремительно наливалось багрово-синим цветом, а глаза испуганно выкатились из орбит.

Тем временем левая рука Нань Цзина уже перехватила кувшин прямо из пальцев обомлевшего отца Наня. Он замахнулся, явно собираясь разбить зловещую глину о больничный кафель.

— Не смей! Не разбивай! — в ужасе взвыл отец Нань. — Разобьёшь — Юй Аньянь покойник!

Рука Нань Цзина замерла в доле секунды от непоправимого. Он ловко поймал опасно накренившийся кувшин и, продолжая мёртвой хваткой удерживать хрипящего Хунсюаня у стены, повернулся к ошарашенному мужчине.

— Юй Аньянь умрёт? — ровным, ледяным голосом переспросил он.

Вся спесь с отца Наня слетела в один миг. Он испуганно переводил взгляд с задыхающегося сына на качающийся в руке Нань Цзина кувшин.

— Да, да! — заикаясь, запричитал он, растеряв весь свой грозный вид. — Разобьёшь его — и Юй

Аньяню конец! А вместе с ним и всей нашей семье! Отпусти его, умоляю, поставь кувшин! Сколько тебе нужно? Я заплачу, любые деньги!

«Сколько?»

Нань Цзин озадаченно прикусил губу. Этот вопрос действительно поставил его в тупик. В деньгах он особо не разбирался: сочная жареная курица стоила всего полсотни юаней, а вот качественная киноварь и заговорённая бумага для сильных талисманов порой обходились в тысячи.

— Пять миллионов! — сквозь хрип и слёзы выдавил синеющий Хунсюань, тщетно пытаясь разжать держащие его пальцы. — Пять миллионов дадим! Только пусти!

— Да-да, пять миллионов! — тут же подхватил перепуганный отец. — Всё выплатим до копеек!

Нань Цзин на секунду задумался, слегка склонив голову, после чего разжал пальцы. Лишившись опоры, Хунсюань кулем рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух.

Брезгливо поморщившись, Нань Цзин бросил:

— Идёт.

У отца Наня от пережитого страха тоже подкосились ноги, он едва не осел на пол, бросившись поднимать сына. Косясь на юношу с дикой смесью ужаса и затаённой злобы, он прохрипел:

— Скоро тебе доставят чек на пять миллионов. Но запомни: как только заберёшь кувшин, ты обязан следовать за Юй Аньянем тенью. Из его окружения пришла весть, что через пару дней он отправляется в Деревню Одинокого Дракона. Ты поедешь с ним и возьмёшь эту вещь. И самое главное — Юй Аньянь ни в коем случае не должен увидеть этот кувшин. Иначе... иначе он труп.

— Угу, — безучастно отозвался Нань Цзин. Он небрежно швырнул кувшин в свой потрёпанный чёрный рюкзак и потянулся к одеялу, намереваясь наконец устроиться поудобнее и поспать.

Кое-как поставив Хунсюаня на ноги, отец Нань потащил его к выходу. У самой двери он не выдержал, обернулся и, дрожа от бессильной ярости, выплюнул:

— Посмотрим, как ты запоешь, ублюдок, когда дело будет сделано. На твоём месте я бы не рассчитывал на долгую жизнь.

Нань Цзин лениво приподнял веко, оценивающе оглядел его с ног до головы и, слегка

поморщившись от брезгливости, спокойно заметил:

— На вашем месте я бы побеспокоился о себе. У вас на лбу написано, что сегодня прольётся кровь.

Вдруг вспомнив кое-что, юноша кивнул в сторону рюкзака, куда только что спрятал кувшин, и его голос обрёл ледяную чёткость:

— И ещё. Если этот сине-черный кувшин окажется не тем, о чём вы тут пели, а обычной подставой, чтобы сжить меня со свету... я найду вас обоих. Посягнёте на мою жизнь — я заберу ваши. Око за око.

У главы семейства от злости задергалось веко.

— Хорошо... Очень хорошо! Ну и тварь же ты! — прошипел он и порывисто рванул дверь на себя.

Однако не успел он сделать и пары шагов по коридору, как его словно кто-то невидимый ухватил за щиколотку. Нога мужчины нелепо подвернулась, и он со всего маху растянулся на ровном месте.

Раздался глухой стук — отец Нань приложился лбом прямо о холодную плитку пола. Кое-как поднявшись, он коснулся головы и обнаружил на пальцах быстро темнеющую кровь.

В ушах набатом зазвучали слова Нань Цзина о скорой расплате кровью. Мужчина похолодел, не смея даже обернуться, и поспешил убратсья прочь, увлекая за собой побитого Хунсюаня.

Услышав за дверью характерный грохот падения, Нань Цзин лишь равнодушно хмыкнул. Никакого удивления он не испытал: у старшего Наня зона лба между бровями и губы отливали землисто-фиолетовым оттенком — верный признак скорого и неизбежного несчастья. Было бы странно, обойдись он без травм.

Ливень за окном разошёлся не на шутку, крупные капли сплошной стеной колотили по стёклам, заглушая все больничные шумы.

Нань Цзин сидел на постели, задумчиво вертя в руках только что принесённый телохранителем чек на пять миллионов юаней. Тонкая бумажка казалась чужеродной в его бледных пальцах.

Внезапно раздался негромкий стук. Юноша удивленно вскинул брови: дежурные врачи обычно предупреждали о визитах заранее, да и время для обхода ещё не подошло. Кого ещё принесло?

Стук повторился — вежливый, но настойчивый. Нань Цзин быстро спрятал чек под подушку и негромко произнёс:

— Войдите.

Дверь мягко подалась вперёд, и в палату вошёл Юй Аньянь. Его левое предплечье было плотно зафиксировано медицинской шиной и перевязано бинтами. На нём была точно такая же синевелая больничная пижама, но на его статной, широкоплечей фигуре мешковатая одежда смотрелась на удивление элегантно.

— Очнулся? Помощник режиссёра сказал, что тебя перевели в соседнюю палату, — холодно произнёс Юй Аньянь, остановившись у изножья кровати и смерив юношу пронзительным, отстранённым взглядом. — Ты полез на рожон и спас меня. Говори, чего хочешь взамен. Дважды предлагать не стану.

«Что за день такой? — мысленно усмехнулся Нань Цзин. — Все только и мечтают мне что-нибудь всучить».

В палате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным шумом непрекращающегося дождя.

Нань Цзин покачал головой. Его чистые, прозрачные, как стеклянные бусины, глаза блеснули в полумраке.

— Мне ничего от тебя не нужно, — серьёзно ответил он, прямо встретив взгляд режиссёра. — Но обещаю: умереть я тебе точно не позволю.

В конце концов, его истинной наградой должен был стать Колокольчик загробного союза, сокрытый в самом сердце этого человека. И эту плату он заберёт лично.

<http://bllate.org/book/19041/1900246>